

«ПРОЗРЕВ ГЛУБИНЫ ДРЕВНЕЙ БЫЛИ...»

Природа и общество в поздней преистории
Дикая охота в археологии, мифологии и фольклоре
Колумбы бронзового века
История, высеченная в камне
Бронза Ближнего Востока — секреты технологий

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура,
Заместитель ответственного редактора — Сергей Н. Разумов

ISSN 1608-9057

Stratum plus. No. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

“Into the Depth of Ancient Lore...”

Nature and society in late prehistory
Wild hunt in Archaeology, Mythology, and Folklore
Columbuses of the Bronze Age
History carved in stone
Near Eastern Bronze: secrets of technology

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura,
Associate Editors — Sergey N. Razumov

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2026

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

„Pătrunzând în adâncurile vechimii...”

Natură și societate în preistoria târzie
Vânătoarea sălbatică în arheologie, mitologie și folclor
Columbii epocii bronzului
Istoria sculptată în piatră
Bronzul Orientului Apropiat — secretele tehnologiilor

Redactor responsabil — Igor V. Manzura,
Redactori adjuncți — Sergey N. Razumov

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2026

СОДЕРЖАНИЕ**«ЗАБЫТЫЙ ЗНАК ВООБРАЖЕНИЯ»**

- К. С. Тохатян, А. А. Григорян, Г. Д. Вардумян (Ереван, Армения). Постройки, средства передвижения и коммуникации в наскальном искусстве Армении (по петроглифам Котайка и Сюника) 15**
- И. В. Манзура (Кишинёв, Молдова). По следам Дикой охоты 33**
- Д. В. Панченко (Санкт-Петербург, Россия). Скандинавы бронзового века в Северной Америке: свидетельства устных традиций 59**

«ПРЕДМЕТОВ СТАРЫХ ТАЙНЫЙ СМЫСЛ»

- А. А. Клещенко, Е. К. Столярова, А. Д. Япрынцев, А. В. Окулов (Москва, Россия). Фаянсовые и каменные украшения северокавказской культуры могильника Кёнделенская I в контексте традиций эпохи бронзы Предкавказья 95**
- С. Н. Разумов, Д. Ф. Паткевич (Тирасполь, Молдова), А. Н. Бабенко (Москва, Россия), В. А. Белоносова (Екатеринбург, Россия), В. О. Бакуменко (Москва, Россия), О. Г. Занина (Пущино, Россия), О. С. Румянцева (Москва, Россия), В. С. Синика (Тирасполь, Молдова). Погребение днепро-прутской бабинской культуры с фаянсовыми бусами на Нижнем Днестре 133**
- О. П. Ларенок (Санкт-Петербург, Россия), А. В. Кияшко (Ростов-на-Дону, Россия), О. В. Сергеева (Саратов, Россия). Погребения днепро-донской бабинской культуры с очковидными подвесками на территории Нижнего Дона 157**
- В. Ю. Луньков, Ю. В. Лунькова (Москва, Россия). Наборы из двух ножей в погребениях срубной культурно-исторической общности: характеристика обряда 171**

«ИТОГ НАУК ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ»

- А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова (Санкт-Петербург, Россия), Й. Мэгро (Париж, Франция), П. Киттель, М. Плоценник (Лодзь, Польша), А. М. Кульков (Санкт-Петербург, Россия). Многослойный торфяниковый комплекс мезолита- неолита Сертея II: палеоклиматические изменения и сообщества охотников-собирателей в VIII—III тыс. до н.э. 183**
- К. М. Андреев, А. А. Шалапинин (Самара, Россия), К. А. Бабина, Е. В. Пархомчук (Новосибирск, Россия). Анализ изотопных сдвигов для коллагена костных образцов памятников каменного века (мезолит — энеолит) лесостепного Поволжья 201**
- А. А. Горошников (Москва, Россия), С. В. Семенова (Азов, Россия), З. В. Горошникова (Москва, Россия). Археозоологические исследования коллекции из раскопок поселения позднего бронзового века Панагия 1 в юго-западной части Таманского полуострова 217**

- В. В. Ткачев, С. В. Богданов (Оренбург, Россия), О. Н. Корочкова, И. А. Спиридонов, Д. В. Киселева (Екатеринбург, Россия). Геохимические и изотопные критерии медных руд Уральской горно-металлургической области эпохи бронзы . . . 231

«СОКРЫТЫЙ МАСТЕРА КАПРИЗ»

- Л. И. Авилова (Москва, Россия). Традиции художественного ремесла Месопотамии и Анатолии: эпоха бронзы. Декоративные покрытия и инкрустации 261
- В. Д. Викторова, С. Ф. Кокшаров (Екатеринбург, Россия). Энеолитический литейный комплекс памятника Палатки I (Среднее Зауралье) 285
- М. А. Раззак, А. Ю. Городилов (Санкт-Петербург, Россия). Новые находки изделий из бронзы и предметов, связанных с их производством на юго-восточном берегу Финского залива 301

«ПЬЯНЯЩИЙ РАЗУМ МИГ ОТКРЫТИЙ»

- С. Н. Разумов, Д. Ф. Паткевич (Тирасполь, Молдова), П. А. Косинцев, А. В. Кочнев, Д. О. Гимранов (Екатеринбург, Россия), В. С. Синика (Тирасполь, Молдова). Новый могильник усатовской культуры на Кучурганском лимане 321
- А. В. Кияшко (Ростов-на-Дону, Россия). Погребально-поминальный комплекс финала средней бронзы на Нижнем Дону с жертвоприношением мастера по кремнеобработке 339
- Л. М. Сверчков (Ташкент, Узбекистан), Н. Г. О. Бороффка (Берлин, Германия). Кайраккумская культура: ареал, хронология, происхождение 371
- В. К. Мерц, И. В. Мерц (Павлодар, Казахстан), К. Н. Солодовников (Тюмень, Россия). Жартаc — могильник позднего бронзового века на северо-востоке Казахстанского мелкосопочника 385
- А. Д. Горшков (Гродно, Беларусь). О дате открытия кремнедобывающих шахт Красносельского археологического комплекса (к 100-летию начала научных исследований) 403
- А. Н. Усачук, А. А. Горошников, З. В. Горошникова, Р. А. Мимоход (Москва, Россия). Коллекция костяных изделий поселения позднего бронзового века Багай 1 . . . 417

«ДИСКУССИИ СТРАСТНЫХ ПЕРЕХЛЕСТ»

- А. А. Романчук (Кишинёв, Молдова). «Цилиндрические» черпаки Единецкой культуры и их аналогии: новые данные к реуто-днестровской гипотезе генезиса Сахарна-Солончень 441
- С. В. Серов (Берлин, Германия). Грузия — симулякр «колыбели виноделия»: от первичного разрыва к индустриальной базе иностранных подвоев . . . 455
- Список сокращений 465
- Авторам *Stratum plus* 467

C O N T E N T S

“A LOST SIGN OF IMAGINATION”

- K. S. Tokhatyan, A. A. Grigoryan, G. D. Vardumyan** (*Yerevan, Armenia*). **Structures, Means of Transportation and Communication in the Rock Art of Armenia (Based on the Petroglyphs of Kotayk and Syunik)** 15
- I. V. Manzura** (*Kishinev, Moldova*). **In the Footsteps of the Wild Hunt** 33
- D. V. Panchenko** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Bronze Age Scandinavians in North America: Evidence from Oral Traditions** 59

“THE HIDDEN SENSE OF ANTIQUE OBJECTS”

- A. A. Kleshchenko, E. K. Stolyarova, A. D. Yapryntsev, A. V. Okulov** (*Moscow, Russian Federation*). **Faience and Stone Ornaments of the North Caucasian Culture of the Kyondelen I Burial Ground in the Context of the Traditions of the Bronze Age of the Ciscaucasia** 95
- S. N. Razumov, D. F. Patkevich** (*Tiraspol, Moldova*), **A. N. Babenko** (*Moscow, Russian Federation*), **V. A. Belonosova** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **V. O. Bakumenko** (*Moscow, Russian Federation*), **O. G. Zanina** (*Puschino, Russian Federation*), **O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*), **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*). **A Dnieper-Prut Babino Culture Grave with Faience Beads Found in the Lower Dniester** 133
- O. P. Larenok** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **A. V. Kiyashko** (*Rostov-on-Don, Russian Federation*), **O. V. Sergeeva** (*Saratov, Russian Federation*). **Burials of the Dnieper-Don Babino Culture with Eyeglass Pendants in the Territory of the Lower Don** 157
- V. Yu. Lunkov, Yu. V. Lunkova** (*Moscow, Russian Federation*). **Sets of Two Knives in Burials of the Srubnaya Cultural and Historical Community: Characteristics of the Ritual** 171

“THE OUTCOME OF THE SCIENCES’ INTERLACING”

- A. N. Mazurkevich, E. V. Dolbunova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Y. Maigrot** (*Paris, France*), **P. Kittel, M. Płóciennik** (*Łódź, Poland*), **A. M. Kulkov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Mesolithic-Neolithic Multi-layer Wetland Complex Serteya II: Palaeoclimatic Changes and Hunter-gatherer Communities in the 8th—3rd Millennia BC** 183
- K. M. Andreev, A. A. Shalapinin** (*Samara, Russian Federation*), **K. A. Babina, E. V. Parkhomchuk** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Analysis of Isotope Shifts for Collagen of Bone Samples from Stone Age Sites (Mesolithic — Eneolithic) of the Forest-steppe Volga Region** 201
- A. A. Goroshnikov** (*Moscow, Russian Federation*), **S. V. Semenova** (*Azov, Russian Federation*), **Z. V. Goroshnikova** (*Moscow, Russian Federation*). **Archaeozoological Studies of the Collection from the Excavations of the Late Bronze Age Settlement of Panagia 1 in the Southwestern Part of the Taman Peninsula** 217

- V. V. Tkachev, S. V. Bogdanov (*Orenburg, Russian Federation*), O. N. Korochkova, I. A. Spiridonov, D. V. Kiseleva (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **Geochemical and Isotopic Criteria of Copper Ores from the Ural Mining and Metallurgical Region during the Bronze Age** 231

“THE MASTER’S VEILED WHIM”

- L. I. Avilova (*Moscow, Russian Federation*). **Traditions in Artistic Craft of Mesopotamia and Anatolia: Bronze Age. Decorative Coatings and Inlays** 261

- V. D. Viktorova, S. F. Koksharov (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **Eneolithic Molds from the Palatki I Site (Middle Trans-Urals)** 285

- M. A. Razzak, A. Yu. Gorodilov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **New Finds of Bronze Artifacts and Their Production in the Southeastern Gulf of Finland** . . . 301

“A HEADY MOMENT OF DISCOVERY”

- S. N. Razumov, D. F. Patkevich (*Tiraspol, Moldova*), P. A. Kosintsev, A. V. Kochnev, D. O. Gimranov (*Yekaterinburg, Russian Federation*), V. S. Sinika (*Tiraspol, Moldova*). **A New Cemetery of the Usatovo Culture on the Kuchurgan Estuary** 321

- A. V. Kiyashko (*Rostov-on-Don, Russian Federation*). **The Grave of the Final Middle Bronze Age Grave on the Lower Don with the Sacrifice of a Flintklapper** 339

- L. M. Sverchkov (*Tashkent, Uzbekistan*), N. G. O. Boroffka (*Berlin, Germany*). **Kayrakkum Culture: Areal, Chronology, Origin** 371

- V. K. Merts, I. V. Merts (*Pavlodar, Kazakhstan*), K. N. Solodovnikov (*Tyumen, Russian Federation*). **Zhartas — a Late Bronze Age Burial Ground in the North-East Kazakh Low Hills** 385

- A. D. Harshkoŭ (*Grodno, Belarus*). **On the Date the Flint Mines of the Krasnoselsky Archaeological Complex were discovered (on the 100th Anniversary of the Beginning of Scientific Research)** 403

- A. N. Usachuk, A. A. Goroshnikov, Z. V. Goroshnikova, R. A. Mimokhod (*Moscow, Russian Federation*). **Collection of Bone Artifacts from the Late Bronze Age Settlement Bagay 1** 417

“THE SWELL OF PASSIONATE DEBATES”

- A. A. Romanchuk (*Kishinev, Moldova*). **“Cylindrical” Mugs of the Edinets Culture and Their Analogies: New Data for the Reuto-Dniester Hypothesis of the Sakharna-Solonceni Genesis** 441

- S. V. Serov (*Berlin, Germany*). **Georgia — a Simulacrum of the “Cradle of Wine”: from Primary Discontinuity to the Industrial Base of Foreign Rootstocks** 455

- Abbreviations** 465

- Submissions** 467

С. В. Серов

Грузия — симулякр «колыбели виноделия»: от первичного разрыва к индустриальной базе иностранных подвоев

Keywords: glottochronology, genetics, retrospective ethnicization, ampelographic canon

Cuvinte cheie: glotocronologie, genetică, etnicizare retrospectivă, canon ampelografic

Ключевые слова: глоттохронология, генетика, ретроспективная этнизация, ампелографический канон

S. V. Serov

Georgia — a Simulacrum of the “Cradle of Wine”: from Primary Discontinuity to the Industrial Base of Foreign Rootstocks

The study examines the validity of the “8000-year-old winemaking” concept, analyzing the lack of verified Neolithic seeds and permanent infrastructure in favor of the external origins of modern Georgian varieties and technologies.

S. V. Serov

Georgia – un simulacru al „leagănelui vinului”: de la discontinuitatea inițială la baza industrială a portaltouurilor străine

Lucrarea examinează validitatea conceptului de „vinificație de 8000 de ani”, analizând lipsa semințelor neolitice verificate și a infrastructurii permanente, în favoarea ipotezei originii externe a soiurilor și tehnologiilor viticole georgiene moderne.

С. В. Серов

Грузия — симулякр «колыбели виноделия»: от первичного разрыва к индустриальной базе иностранных подвоев

Работа исследует достоверность концепции «8000-летнего виноделия», анализируя отсутствие в неолите верифицированных семян и стационарной инфраструктуры в пользу версии о внешнем происхождении современных грузинских сортов и технологий.

Ретроспективные модели, постулирующие культурную преемственность в историографии региона, сталкиваются с невозможностью верификации в горизонте неолита, что вынуждает сторонников этноцентрического подхода манипулировать хронологией языковой дивергенции. В исследовании Гавашелишвили и соавторов (Gavashelishvili et al. 2023) этот механизм реализуется через создание «временной петли»: возникновение пракартвельской общности искусственно отодвигается за отметку 12500 лет назад исключительно для синхронизации этноса с появлением виноделия. Защита некорректной датировки строится на противоречивых географических допущениях, где отсутствие в сванском языке базовой аграрной терминологии объясняется не позд-

ним разделением ветвей, а ландшафтными барьерами, якобы изолировавшими сообщества еще до возникновения сельского хозяйства. Стремление утвердить автохтонный характер сельскохозяйственной терминологии сталкивается с фундаментальным противоречием: лексема *пури* (*хлеб*) не является изолированным местным образованием, а демонстрирует устойчивые параллели с индоевропейским пластом: русск.-церк.-слав. *пыро*, укр. *пирій*, *перій* «пырей», белор. *пы́рнік*, болг. *пирей* «пырей», лит. жем. *pūrai* мн. «озимая пшеница», *pūras* м. «зерно озимой пшеницы», латышск. *rīņi* мн. «озимая пшеница», греч. *πῦρος*, дор. *σῦρος* м. «пшеница, зерно пшеницы», др.-инд. *pūras* «пирог», англос. *fyr* «пырей» (Фасмер 1987: 419).

Эта цепочка соответствий наблюдается и относительно термина *uvino*: если современная школа (Гавашелишвили и соавторы) смещает акцент на сванский язык для искусственной синхронизации с неолитом, то предшествующий этап национального строительства оперировал иными формами. Тезисы Г. Церетели, изложенные Н. Кецохели во вступлении к работе М. А. Рамишвили (Рамишвили 1948: XXI), служат инструментом заполнения институционального вакуума. Обоснование автохтонности термина *uvino* через гипотетические мегрельские формы является примером филологического суррогата. Попыткой обосновать грузинское происхождение является аргумент: «должно было соответствовать по законам сравнительной грузинской грамматики *gini* (подобно тому, как грузинскому *wirl* соответствует мегрельское *girini*)». То есть вместо примеров из древних текстов совершаются попытки гадания, а инородные слова через грузинский лад представляются как «грузинские». Указывается: «если грузинами и армянами это слово было бы позаимствовано из одного общего источника», — и здесь совершается подмена, так как грузинский вариант идентичен индоевропейскому слову: *u-vino* (*uvino*) с латинским *vinum* (с добавлением в начале лишь грузинской буквы *ღ-უ* — гхани), тогда как армянское *gini* имеет более сильное различие, что указывает на более изолированное развитие слова даже в рамках общепалеоиндоевропейского пласта.

Несмотря на производный характер *vena-xi* от корня *uvino*, применяется произвольная сегментация *vn-ax-u* (зб-зб-о) для создания видимости архаичной основы. Кецохели использует труд А. И. Томсона для исключения термина из индоевропейского пласта при одновременном опровержении семитской версии: «умозаключение» — раз слово не принадлежит ни к одной из этих групп, оно подтверждает гипотезу об изолированном центре доместикации, намеренно игнорируя предложенную им траекторию передачи технологий (Рамишвили 1948: XXI). Томсон указывает, что для древнейших эпох дифференциация между индоевропейским праязыком и заимствованиями из исчезнувших субстратов затруднена. Лексему он классифицирует как древнее заимствование, отсутствующее в индоиранских языках и перенесенное от малоазиатских фригийцев вместе с виноградной лозой (Томсон 1906: 361—362). Индоевропейская природа лексемы находит подтверждение в исследовании Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 649).

Лингвистическая верификация должна опираться на устойчивый исторический субстрат: экспансия античных агротехнологий, сопряженная с римским сакрально-административным влиянием и религиозными культурами, сформировала единое терминологическое поле, поскольку виноградарство в Европе и за ее пределами распространялось именно римлянами (Фасмер 1986: 316—317). Это задает верифицируемый вектор распространения культуры, а не ретроспективные притязания современных этносов. Исходя из этого грузинское *uvino* отражает поздний этап оседло-земледельческой культуры. В сванском языке слово является вторичным заимствованием из грузинского (Климов 1964: 203—204). Игнорирование данного вектора в угоду национальному нарративу ведет к упрощению исторических процессов и создает фундамент для идеологического подлога — создания красивого фасада «винной нации», превращая факт биологической выживаемости групп в доказательство «8000-летней» (и впоследствии — 12500-летней) исключительности по формуле «наш древний ген — наша древняя нация»: биологические параметры популяции здесь подменяют описание этноса, инструментализируются через наличие генетического субстрата и априорно приравниваются к обладанию технологией.

Результаты независимого генетического анализа Э. Скуртаниоти постулируют «5000 лет генетической преемственности», которая сопровождалась высокой мобильностью и выраженным гибридным характером населения. Противопоставляя сложность языковых связей генетике, исследователи предостерегают от упрощенных интерпретаций, приравнивающих незначительный приток генов к распространению языка. Этническая монолитность опровергается тем, что даже такой специфический маркер, как искусственная деформация черепа, по мнению исследователей, был принесен кочевыми группами и впоследствии принят как локальная культурная практика; это доказывает пластичность культуры вне зависимости от биологического происхождения. Скуртаниоти фиксирует парадокс: объем притока «степных» генов распределен неравномерно и не зависит от географической близости к ареалу. Дата возникновения картвельских языков — около 4000 г. до н. э. — фиксируется лишь как гипотетическая реконструкция, а не установленный факт (Skourtanioti et al. 2025).

Наличие генетической преемственности не равнозначно культурной монополии.

Р.А. Бентли и М.Дж. О'Брайен определяют культуру исключительно как информацию, включающую знания, убеждения и навыки, передаваемые между индивидами через «пути обучения». Подобный подход полностью отделяет технологические навыки от этнического происхождения. В эволюционной археологии социальное научение рассматривается как «расширение биологии посредством культуры». Именно процесс культурного наследования (*cultural inheritance*) формирует традиции, которые, будучи ошибочно принимаемыми за биологические признаки, представляют собой лишь «устойчивые модели поведения на протяжении длительного времени» (Bentley, O'Brien 2024). Если даже такой физический признак, как искусственная деформация черепа, оказывается заимствованной «модой», то анонимные общества культурных слоев Шулавери-Шомутепинской или Куро-Араксской культур — тем более не могут считаться собственностью одной «крови»; а это показывает, что полезные модификации произвольного характера не являются признаком «гения народа»; они культурно передаются и постепенно накапливаются. В этом контексте возникновение земледелия носило стихийный характер, где «поколения унаследованных практик непреднамеренно сыграли решающую роль в эволюции сельского хозяйства» (Bentley, O'Brien 2024).

В описании базового субстрата Шулавери-Шомутепинской культуры исследователи придерживаются археологического диапазона 5900—5750 гг. до н.э. Однако широко распространенная «вилка» в 100—250 лет (5900/5750 vs 6000) используется как инструмент округления для провозглашения «8000-летней истории». Несмотря на декларативные заявления о «солидной хронологической основе» грузинских находок, результаты прямого датирования виноградных косточек подтвердили лишь современный статус материала. Макговерн признает, что ни один извлеченный образец не прошел радиоуглеродную верификацию на принадлежность к неолиту, оказавшись продуктом позднего времени — не ранее 1600 г.н.э. Несостоятельность виноградных косточек неолитического горизонта смещает фокус интерпретации на визуальные свидетельства: на внешней поверхности кувшина из Храмис-Диди-Гора (рис. 1: А) присутствуют налlepные элементы, трактуемые как виноградные грозди, хотя их ботаническая достоверность не доказана, что указывает на риск подмены древних смыслов современными культурными ассоциациями.

Исследователь задается вопросом, не является ли изображение антропоморфной фигурки под рядами налlepных «ягод» лишь неолитической версией сюжета с танцующими людьми под виноградными лозами, популярного в современной Грузии. Подчеркивается, что подобные предположения требуют обязательной проверки методами химического анализа для исключения произвольных или фантастических трактовок (McGovern et al. 2017).

Для анализа винной кислоты были отобраны 18 кувшинов (6 фрагментов корпуса и 12 фрагментов дна) из сезонов 2012—13 и 2014—2016 гг. в Гадачарили, а также один фрагмент дна из краткого сезона 2016 г. в Шулавери. Приоритет отдавался основаниям сосудов как наиболее вероятным местам скопления осадка, тогда как фрагменты корпуса признаны менее информативными. Пористая структура артефактов оставляет открытыми вопросы фрагментарности и неоднородности выборки: поскольку керамика определяется как «ионный (цеолитоподобный) материал, впитывающий жидкости», в условиях многотысячелетнего винодельческого фона она становится идеальным адсорбентом для вертикальной контаминации. Макговерн признает риск «загрязнения окружающей среды» (*environmental contamination*) и фонового образования кислот микроорганизмами критическими факторами, что потребовало сопоставления находок с почвенными пробами из тех же контекстов (McGovern et al. 2017).

Полученные данные лишь «приблизительно соответствовали» первоначальной «фазировке и датировке Кигурадзе». Использование байесовского анализа позволило авторам не только верифицировать старые советские даты, но и расширить модель до шести фаз, включая новую «фазу 1», простирающуюся до седьмого тысячелетия до нашей эры. Образцы SG-16 а и SG-782 (рис. 1: В-С), найденные при раскопках в Шулаверис-Гора в 1960-х гг., изначально считались лишь «многообещающими», но требовали перепроверки современными методами. Однако повторный анализ этих находок в 2016 г. не дал твердой верификации: анализируя спектр ключевых образцов SG-16а и SG-782, он прямо констатирует, что спектр почвы показал крайне нечеткие полосы поглощения, которые «можно интерпретировать по-разному» (*might be variously interpreted*) (McGovern et al. 2017).

Макговерн указывает, что сравнение хроматограммы древнего черепка с хромато-

Рис. 1. Ранненеолитическая керамика Шулавери-Шомутепинской культуры. (А) Кувшин из Храмис-Диди-Гора; (В–D) фрагменты оснований кувшинов со следами органических оттисков. Фото М. Джалабадзе (Национальный музей Грузии) (по McGovern et al. 2017).

Fig. 1. Early Neolithic pottery of the Shulaveri-Shomu Tepe culture. (A) Jar from Khramis Didi Gora; (B–D) jar base fragments with textile and organic impressions. Photo by M. Jalabadze (Georgian National Museum) (after McGovern et al. 2017).

граммой связанного с ним образца почвы (GG-IV-51) показывает, что почва богаче органическими веществами, особенно высокомолекулярными углеводородами (C27–C33). Это подчеркивает, что такие почвенные соединения могут иметь современное происхождение. Жирные кислоты и алканы широко распространены в природе и продуцируются микроорганизмами, поэтому они не признаются авторами как определяющий признак виноградного продукта. В общей сложности анализ LC-MS-MS подтвердил наличие «винного комплекса» кислот в пяти фрагментах из Гадачрили и трех из Шулавери, показал наличие винной кислоты и других органических кислот (яблочной, янтарной и лимонной), содержащихся в винограде/вине. Достоверность результатов обоснована точным соответствием времен удерживания хроматограмм выделенных ионов с временами современных стандартов. Согласно данным исследования, со-

держание винной кислоты в положительных образцах из Гадачрили (GG-II-9, GG-IV-33, GG-IV-48, GG-IV-50 и GG-IV-56) превышало показатели соответствующих фоновых проб почвы в 3,4–12,4 раза. Параллельно Макговерн указывает, что в Шулавери уровень винной кислоты в образце SG-16a был в 44 раза выше, чем среднее значение по трем образцам неолитической почвы (SG-22, SG-27 и SG-28) (McGovern et al. 2017).

Были зафиксированы важные отрицательные результаты, подтверждающие избирательность методов. Содержание винной кислоты в образце SG-IV-20 превышало фон (SG-IV-21) лишь в $1\frac{1}{3}$ раза и было крайне низким (4 нг/мг остатка), что позволило классифицировать его как отрицательный из-за возможной микробной активности почвы. Также отрицательными признаны еще 11 образцов из Гадачрили (пять доньшек и шесть черепков тел), где концентрация кис-

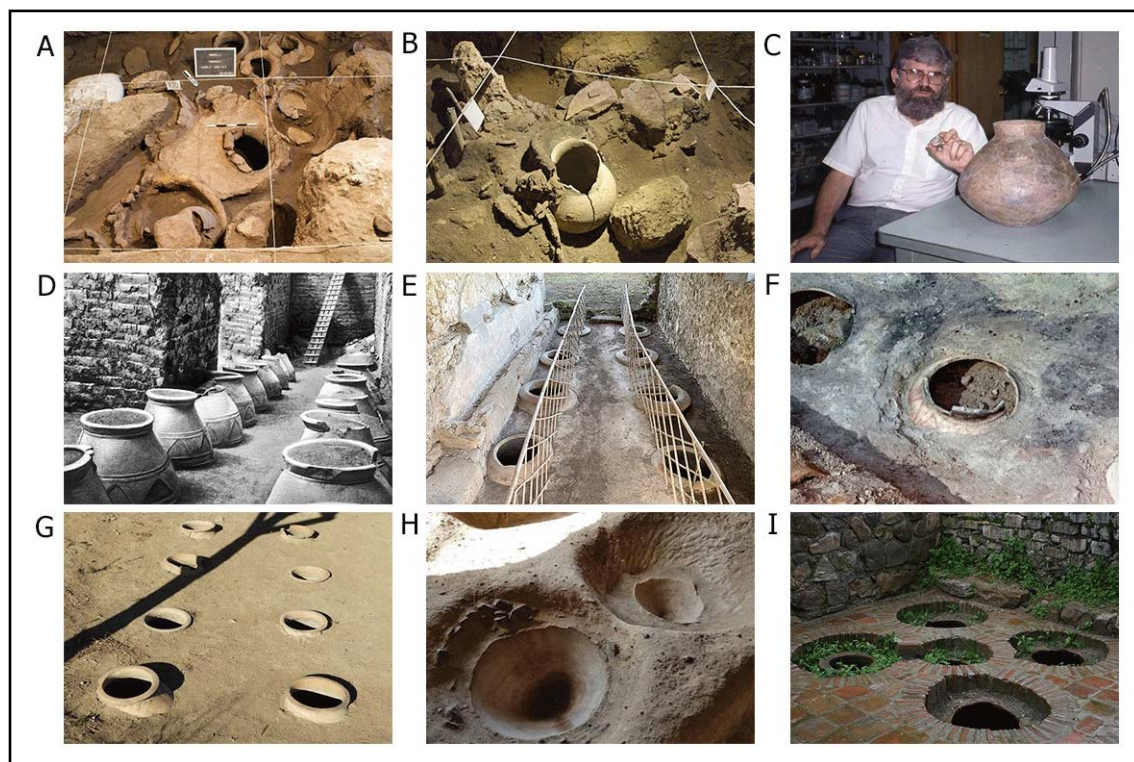

Рис. 2. Стационарные винодельческие и складские комплексы. (А–В) Арени-1 (Армения), ок. 4000 г. до н.э.; (С) Хаджи-Фируз Тепе (Иран), ок. 5400—5000 гг. до н.э. (по McGovern 2017); (D) Тейшебаини (Урарту), VIII—VII вв. до н.э.; (E) Помпеи (Рим), I в. н.э., Cella vinaria; (F) Цихиагора, эллинистический период (по Makharadze et al. 2023); (G) Армазцихе, I—III вв. н.э.; (H–I) Вардзиа и Икалто (Грузия), XII—XIII вв.

Fig. 2. Stationary winemaking and storage complexes. (A–B) Areni-1 (Armenia), c. 4000 BC; (C) Hajji Firuz Tepe (Iran), c. 5400—5000 BC; (D) Teishebaini (Urartu), 8th—7th cent. BC; (E) Pompeii (Rome), 1st cent. AD, Cella vinaria; (F) Tsikhiagora, Hellenistic period; (G) Armaztsikhe, 1st—3rd cent. AD; (H–I) Vardzia and Ikalto, 12th—13th cent.

лоты была ниже почвенной. В образцах GG-IV-49 и GG-IV-60 следы органических кислот отсутствовали вовсе. Для уточнения данных образцов SG-16a и SG-782 были проанализированы целиком методом LC-Orbitrap MS-MS, в которых содержание четырех органических кислот было значительно ниже, чем в почвах Гадачрили. Выявленная разница в чистоте почв Шулавери и Гадачрили объясняется дождливой погодой во время сбора проб, что способствовало вымыванию органики из грунта. Макговерн выделяет ключевые доказательства присутствия вина. В основной выборке из раскопок в Гадачрили GG-IV-50 (рис. 1: D), в котором методом LC-MS-MS была обнаружена винная кислота, является репрезентативной, а также выделенное высокое содержание винной кислоты, особенно в образце SG-16a, является очень убедительным доказательством присутствия древнего винограда/вина в этом сосуде и других сосудах из Гадачрили (например, GG-IV-33) (McGovern et al. 2017).

Непосредственно тартрат является важнейшим компонентом, но критическое значение

для определения реального винодельческого статуса региона играет наличие стационарных вкопанных емкостей. Они необходимы для верификации локального производства, поскольку процесс ферментации требует стабильной среды, в то время как отдельные сосуды служат лишь инструментом частичного хранения или, по большей части, транспортировки готового продукта. Отсутствие таковых в неолитическом горизонте Грузии — в tandem с небытностью аутентичных неолитических виноградных косточек — в условиях высокой мобильности групп аннулирует статус жесткой территориальной привязки находок. В настоящее время единственным верифицированным памятником со стационарной инфраструктурой полного цикла остается энеолитический комплекс Арени-1 (Армения) (рис. 2: A, B). Макговерн указывает, что настоящий «прорыв» произошел именно здесь, когда было обнаружено скопление подземных кувшинов, устраняющих «пустоту» в переходном периоде истории виноделия. Макговерн прямо называет местную технологию «гениальной»: люди выложили оштукатурен-

ные полы для прессования винограда и переливания нефильтованного сока в подземные кувшины (McGovern et al. 2017). Показательно, что подобные стационарные системы не были обнаружены в неолитическом горизонте Хаджи-Фируз Тепе (Иран, ок. 5400 г. до н.э.), где верифицированы шесть вмурованных в пол сосудов (рис. 2: С) с остатками тартрата и смолы (McGovern et al. 1996).

В образцах Арени-1, наряду с закопанными сосудами, зафиксировано сочетание тартрата и красного пигмента мальвидина, верифицированное методом LC-MS-MS (Barnard et al. 2011). Наличие аутентичных косточек одомашненной лозы, кожицы и высушенных стеблей, датированных периодом от 4230—3970 гг. до н.э. до 800—1300 гг. н.э., не оставляет сомнений в существовании здесь развитого производства (Harutyunyan, Malfeito-Ferreira 2022). С учётом значимости для археологии комплекс Арени-1 в контексте с грузинскими находками Макговерн подтверждает пятитысячелетний разрыв: от неолита до железного века в Грузии не обнаружено вкопанных сосудов, подобных Арени-1 (McGovern et al. 2017). Это аналогично и отчетливо прослеживается в археологическом материале Тейшебаини — урартского административно-хозяйственного центра (VIII—VII вв. до н.э.), где обнаруженные вкопанные сосуды демонстрируют высокую степень технологической регламентации (рис. 2: D). Учитывая географическую близость, правомерно допустить интеграцию элементов урартской агротехнологии на север. Ключевое различие обусловлено характером системной интеграции: если в Тейшебаини инновации функционировали в рамках урартской административной модели, то в Армазихе и Цихиа-гора они фиксируют включение региона в орбиту греческого экономического влияния и последующую римскую провинциализацию: сосуды идентичны римским *dolia defossa* в Помпеях и эллинистическим пифосам¹ (рис. 2: E, F, G). В картвельской тра-

диции эта практика формируется значительно позже: наиболее ранними выступают монастырские марани в Вардзиа и Икалто² (рис. 2: H, I).

Вне доказательной базы вопрос верификации «древних сортов» обнажает методологический разрыв: нынешнее многообразие (от 8000 до 10000 сортов) обязано своим происхождением не «вековой консервации», а целенаправленной селекции и случайным скрещиваниям или интрогрессии между пришлой одомашненной лозой и местными дикими популяциями. Макговерн фактически деконструирует миф об изоляции «колыбели», подтверждая, что грузинские сорта имеют тесную генетическую связь и морфологическую идентичность с классическими западными культиварами — Пино Нуар, Неббиоло, Сира и Шассела (McGovern et al. 2017). Это прямое следствие европейской модернизации, начатой в 1830-х гг., когда локальные формы подгонялись под западные стандарты для обеспечения рыночного сбыта. Появление ключевых марочных наименований («Цинандали» с 1886 г., «Мукузани» с 1888 г.), культивация сортов Александрюли и Муджуретули (начатая князьями Кипиани в 1870-е гг.) и использование Саперави как основы промышленного виноделия лишь с 1886 г., подтверждают этот тезис (рис. 3).

Европейская модернизация стала уникальным драйвером развития винодельческой промышленности в Тифлисской губернии, закрепив за ней статус имперского центра региона. Масштабная индустриализация отрасли не просто сосуществовала с кустарным производством, а полностью поглотила архаичную деревенскую традицию, сделав её экономически нежизнеспособной. В 1920 г. Совет съезда виноградарей и виноделов Грузии официально констатировал технологическую несостоятельность традиционных ме-

¹ Технологические параметры подтверждают прямую трансляцию средиземноморских инженерных решений в результате греческого торгового влияния. Индустриальный масштаб хозяйства подтверждается инфраструктурой склада на 48 пифосов емкостью 28 200 литров. Присутствие греков и активная торговля верифицируются находкой другого типа сосуда из этого комплекса, на венчике которого по сырой глине до обжига нанесена греческая буква «β» (Бета). Метка служила инвентарным указателем объема, соответствующим принятым стандартам («акарарк»), фиксируя внедрение системы внешнего административного учета (по: Makharadze et al. 2023).

² Сам метод виноделия в кеври получил статус наследия ЮНЕСКО, что, по сути, позволяет официально не подтверждать происхождение и древность этого элемента. Важно понимать, что ЮНЕСКО является политико-культурной, а не академической организацией: регламент Конвенции 2003 г. (форма №00870) прямо указывает, что номинационные файлы «не обязаны подробно рассматривать историю элемента, его происхождение или древность» (Nomination files need not address in detail the history of the element, or its origin or antiquity). Таким образом, признание «древности» метода в 2013 г. основано исключительно на национальном нарративе и декларативном утверждении о «8000-летней живой традиции», принятом на веру без внешней рецензии.

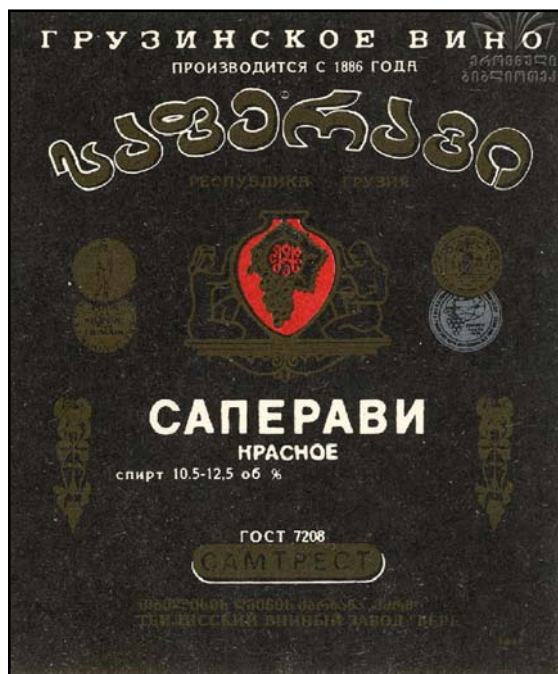

Рис. 3. Этикетка вина «Саперави» (1886 г.).

Fig. 3. "Saperavi" wine label (1886).

тодов производства: прямо указывалось, что «дедовский способ» выдержки вина в квеври на мезге является «несчастьем», поскольку его доминирование среди производителей делает продукт «неприемлемым для европейского вкуса». Опыт дипломатических миссий в Лондоне, Стамбуле, Италии и Германии показал, что грузинское вино, изготовленное традиционным путем, «совершенно не имеет сбыта» на западных рынках. Официальный вердикт был однозначен: экспорт возможен только при условии перехода на «европейское правило» виноделия (Вази да Гвино 1920, № 10: 8—9). Научная позиция того времени была еще более категоричной: подчеркивалось, что, согласно выводам европейских ученых и многолетнему опыту, вина из квеври — вне зависимости от качества винограда и мастерства винодела — «никогда не сравнятся» с аналогами, приготовленными по европейским стандартам и выдержанными в бочках (Вази даи-но 1920: № 9: 4).

Однако национальный дискурс необоснованно обнаруживает «древние национальные сорта» через призму ретроспективной проекции: селекционные формы выдаются за исконные архаичные объекты, якобы сохранившиеся в неизменном виде сквозь столетия. Классическим примером такой подмены служат работы И. А. Джавахишвили, который относительно Саперави указывает, что в «Да-

стурламале» Вахтанга VI, кроме упоминания названия «саперави», никаких фактических данных не содержится. Впоследствии этот вакуум заполняется историко-географической конструкцией: возраст Саперави объявляется «на столетия древнее» лишь на основании факта его бывшего распространения в Шавшет-Кларджети (Джавахишвили 1934: 526). Здесь география используется не как объект научной верификации, а как сакральность в национальном сознании, где само упоминание региона априорно «легитимирует» древность объекта.

Практическая реализация этого подхода в отношении «Дастурламала» обнаруживает инструментальную подмену понятий: лексема «саперави» фигурирует как ресурс, покупаемый для нужд производства, что прямо отражено в распоряжении: საფერავისა და ნებვის ფასი ჯარბდამ უნდა (цена саперави и навоза должна быть выделена из [дохода от] быка) (Вахтанг VI 1886: 123—124, §ლ). Согласно словарю И. Абуладзе, термин ჯარბო (бык) детерминируется как рабочий скот (вол) (Абуладзе 1973: 566). Нахождение «саперави» в одном учетном ряду с навозом подтверждает, что речь идет о приобретении расходных материалов — технического красителя для корректировки вина, а не о фиксации сорта, растущего на участке: термин «саперави» определяется в трех значениях, где в первую очередь это — «то, чем красят что-либо», и лишь впоследствии это название закрепилось за конкретным сортом, унаследовавшим идентичную красящую структуру от своих западных генетических предшественников.

Методологический инструментарий Джавахишвили — выдача покупки красителя и навоза за первичное упоминание древнего сорта — строится на признании фактологической безнадежности традиционного историко-кознания. Констатируя критическую нехватку агрономических памятников ранее XIII в., Джавахишвили подчеркивает, что в таких условиях сама попытка выяснить возраст и происхождение лозы может показаться исследователю «совершенно беспочвенным и безнадежным делом», лишенным реального фундамента. Для преодоления этого гносеологического тупика Джавахишвили предлагает радикально сместить фокус верификации: вместо поиска прямых исторических свидетельств он постулирует, что в качестве «главнейшего и первоочередного средства» познания должен быть использован «лингвистическо-филологический анализ»

названий сортов, который якобы способен подготовить «прочную основу» для датировки там, где документ безмолвствует (Джавахишвили 1934: 523).

Инерция лингвистического метода служит фундаментом для выстраивания возрастных иерархий, исходя из предполагаемой эволюции корней слов. Если возраст Ркацители Джавахишвили ограничивает рамками «первых пяти веков н. э.», то в отношении Дзелшави он прибегает к прямой сакрализации объекта. Заявляя, что «выяснить время его появления невозможно даже приблизительно», автор возводит сорт к доисторическим пластам на основании корня «дзели» (дерево/бревно). По логике исследователя, Дзелшави принадлежит к такой эпохе, от которой в языке среды названий древесных растений «сохранилось лишь [слово] дзелдзма» (держи-дерево), что позволяет ему выносить сорт за пределы исторически известного времени (Джавахишвили 1934: 530).

Использование общекартвельского корня как доказательства «запредельной» древности не имеет биологических оснований; научный анализ здесь подменяется эффектом восхищения, превращающим сорт в мифологический реликт. Дополнительным механизмом «удревнения» служит ретроспективная проекция этнографических данных: наличие грузинских наименований в исламизированных регионах (Аджария, Кларджети) априорно трактуется как «остаток древнего виноградарства», а не как результат миграции или позднего заимствования. Исчерпанность сведений о сортах XVII—XVIII вв. (Камури, Кичири) Джавахишвили интерпретирует не как их узколокальный характер, а как масштабное исчезновение под давлением исторических катастроф, подчёркивая, что от многих сортов «не осталось даже следа», что парадоксальным образом используется для легитимации их былой значимости и глубокой архаики (Джавахишвили 1934: 524—525).

Джавахишвили замаскировал небытность фактологической устойчивости историографическим симулякром; его метод, агрессивно заполняющий пустоту филологическим суррогатом в отрыве от реальных циклов развития и выживаемости виноградной лозы, нарушает базовые нормы естественности и превращает историю сельского хозяйства

в изолированный идеологический конструкт; он фактически совершал акт «научного волюнтаризма»: Саперави и другие сорта не выживают без филлоксероустойчивых подвоев (*Riparia x Rupestris* № 101¹⁴, 3309, *Riparia x Berlandieri* №№ 420 А, 8 ВВ) (Чолокашвили 1939: 384—386; Табидзе 1940: 4, 14), которые принудительно компенсируют биологическую слабость привоя, отвечая за его жизнеспособность и адаптацию к почве; вне подвойной базы лоза гибнет от острой формы хлороза, что указывает на глубокую биологическую дезадаптацию «национальных стандартов».

Заключение

Исследование фиксирует предел верификации данных: мы располагаем косточками 1600 г. и фрагментарными следами тартратов неолитического слоя, часть из которых сомнительна и является результатом интерпретации. Они обнаружены на обломках привозных (импортных) сосудов. Следовательно, нет прямых или косвенных доказательств существования вина из местного виноградарства в неолите — а то, что современные сорта по своей морфологии являются копиями западных образцов и выживают исключительно на базе иностранных подвоев, демонстрирует, что «8000-летняя история» является симулякром. Исходя из этого, приоритет Грузии в неолитическом виноделии автоматически аннулируется. Вопрос же приоритета региона определится не по границам современных стран и этнических наслоений, потому что фундаментальный принцип археологии постулирует: каждая новая находка лишь дополняет общую картину, что напрямую отвергает попытки локализовать открытие ферментации в едином очаге. Виноделие — это многогранный феномен многоочаговости, основанный на биологических процессах, которые были случайным открытием разных групп, а не результатом усилий одного этноса. Согласно Макговерну, стихийное одомашнивание лозы сформировало единую «винную культуру» по всему Ближнему Востоку, что делает научно невозможным приписывание исключительной «родины» какому-либо отдельному региону (McGovern et al. 2017).

Литература

- Абуладзе И.В. 1973. *Словарь древнегрузинского языка (материалы)*. Тбилиси: Мецниереба (на груз. яз.).
- Вахтанг VI. 1886. *Дастурламали (Уложение царя Вахтанга Шестого)*. Под ред. П. Умикашвили. Тифлис: Типография Л.Г. Крамаренко.
- Джавахишвили И.А. 1934. *Экономическая история Грузии*. Книга вторая. Тифлис: Федерация.
- Вази да Гвино. 1920. (Лоза и вино): научно-популярный журнал Союза виноградарей и виноделов Грузии. Тифлис. № 10 (ноябрь) (на груз. яз.).
- Вази да Гвино. 1920. (Лоза и вино): научно-популярный журнал Союза виноградарей и виноделов Грузии. Тифлис. № 9 (июль) (на груз. яз.).
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Т. 2. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та.
- Климов Г.А. 1964. *Этимологический словарь картвельских языков*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Конвенция 2003: *Конвенция об охране нематериального культурного наследия*: [принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО 17 октября 2003 г.]. Париж: ЮНЕСКО.
- Рамишвили М.А. 1948. *Сорта виноградных лоз Грузии, Мегрелии и Аджарии*. Под ред. Н.Н. Кецохели. Тбилиси: Техника да Шрома (на груз. яз.).
- Томсон А.И. 1906. *Общее языковедение: Лекции Александра И. Томсона*. Одесса: тип. «Экон.»
- Табидзе Д.И. 1940. *Районы виноградарства Кахетии: Материалы по сортовому районированию и специализации виноградарственных районов Кахетии*. Тбилиси.
- Фасмер М. 1986. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1 (А–Д). Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. Москва: Прогресс.
- Фасмер М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3 (Муза — Сят). Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Москва: Прогресс.
- Чолокашвили С. 1939. *Руководство по виноградарству*. Кн. II: *Ампелография*. Тбилиси: Сахелгами (Госиздат) (на груз. яз.).
- Barnard et al. 2011: Barnard H., Dooley A.N., Areshian G., Gasparyan B., Faulk K.F. 2011. Chemical evidence for wine production around 4000 BCE in the Late Chalcolithic Near Eastern highlands. *Journal of Archaeological Science* 38 (5), 977–984.
- Bentley R.A., O'Brien M.J. 2024. Cultural evolution as inheritance, not intentions. *Antiquity* 98 (401), 1406–1416.
- Gavashelishvili et al. 2023: Gavashelishvili A., Chukhua M., Sakhltkhusishvili K., Koptekin D., Somel M. 2023. The time and place of origin of South Caucasian languages: insights into past human societies, ecosystems and human population genetics. *Scientific Reports* 13, 21133.
- Harutyunyan M., Malfeito-Ferreira M. 2022. Historical and Heritage Sustainability for the Revival of Ancient Wine-Making Techniques and Wine Styles. *Beverages* 8 (10).
- McGovern et al. 1996: McGovern P.E., Glusker D.L., Exner L.J., Voigt M.M. 1996. Neolithic resinated wine. *Nature* 381 (6582), 480–481.
- McGovern et al. 2017: McGovern P.E., Jalabazde M., Batiuk S., Callahan M., Smith K., Hall G, Kvavadze E. ... Lordkipanidze D. 2017. Early Neolithic wine of Georgia in the South Caucasus. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)* 114 (48), E10309-E10318.
- Makharadze et al. 2023: Makharadze Z., Kalandadze N., Sakhvadze A. 2023. *Sikhiagora*. Tbilisi: National Museum of Georgia.
- Skourtanioti E. et al. 2025: Skourtanioti E., Jia X., Tavartkiladze N. ... Ringbauer H. 2025. The genetic history of the Southern Caucasus from the Bronze Age to the Early Middle Ages: 5,000 years of genetic continuity despite high mobility. *Cell* 188 (19), 5278-5294.e21.
- UNESCO 2013. *Nomination file no. 00870 for Inscription on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity: Ancient Georgian traditional Qvevri wine-making method*. Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, 8th session, Baku, Azerbaijan.

References

- Abuladze, I.V. 1973. *Dzvelkartuli Enis Leksikoni (Masalebi) (Dictionary of the Old Georgian Language (Source Materials))*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ. (in Georgian).
- Vakhtang VI. 1886. *Dasturlamali (Ulozhenie tsaria Vakhtanga Shestogo) (Dasturlamali: The Code of King Vakhtang VI)*. Umikashvili, P. (ed.). Tiflis: Typography of L.G. Kramarenko (in Russian).
- Javakhishvili, I.A. 1934. *Ekonomicheskaya istoriya Gruzii (Economic History of Georgia)*. Book 2. Tiflis: "Federatsiya" Publ. (in Russian).
- Vazi da Gvino (Loza i vino): *nauchno-populiarnyi zhurnal Soiuz vinogradarei i vinodelov Gruzii (Vine and Wine: Popular Science Magazine of the Union of Winegrowers and Winemakers of Georgia)* 1920, 10 (November). Tiflis (in Georgian).
- Vazi da Gvino (Loza i vino): *nauchno-populiarnyi zhurnal Soiuz vinogradarei i vinodelov Gruzii (Vine and Wine: Popular Science Magazine of the Union of Winegrowers and Winemakers of Georgia)*. 1920, 9 (July). Tiflis (in Georgian).
- Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. 1984. *Indoevropskii iazyk i indoevropskiy. Rekonstruktsii i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokultury (Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction, Historical and Typological Analysis of Protolanguage and Protoculture)* 2. Tbilisi: Tbilisi University (in Russian).
- Klimov, G.A. 1964. *Etimologicheskii slovar' kartvel'skikh iazykov (Etymological Dictionary of Kartvel Languages)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledia (UNESCO. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, 17 October 2003)*. Paris: UNESCO (in Russian).
- Ramishvili, M.A. 1948. *Sorta vinogradnykh loz Gurii, Megrelii i Adzharii (Grape Varieties of Guria, Mingrelia and Adjara)*. Tbilisi: "Tekhnika da Shroma" Publ. (in Georgian).
- Thomson, A.I. 1906. *Obshchee iazykovedenie: Lektsii Aleksandra I. Tomsona (General Linguistics)*. Odessa: "Ekon." Publ. (in Russian).
- Tabidze, D.I. 1940. *Raiony vinogradarstva Kakhetii: Materialy po sortovomu raionirovaniyu i spetsializatsii vinogradevstva. Rekonstruktsii i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokultury (Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction, Historical and Typological Analysis of Protolanguage and Protoculture)* 2. Tbilisi: Tbilisi University (in Russian).

- darstvennykh raionov Kakheti (*Winemaking Districts of Kakheti: Materials on Varietal Zoning and Specialization of Viticulture Regions of Kakheti*). Tbilisi (in Russian).
- Fasmer M. 1986. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russisches etymologisches Wörterbuch = Russian Etymological Dictionary)*. Vol. 1 (A–D). Moscow: “Progress” Publ. (in Russian).
- Fasmer M. 1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russisches etymologisches Wörterbuch = Russian Etymological Dictionary)*. Vol. 3 (Muza — Siat). Moscow: “Progress” Publ. (in Russian).
- Cholokashvili S. 1939. *Rukovodstvo po vinogradarstvu (Manual of Viticulture)*. Book II: *Ampelografiia (Ampelography)*. Tbilisi: “Sakhelgami” Publ. (in Georgian).
- Barnard, H., Dooley, A.N., Areshian, G., Gasparyan, B., Faull, K.F. 2011. Chemical evidence for wine production around 4000 BCE in the Late Chalcolithic Near Eastern highlands. *Journal of Archaeological Science* 38 (5), 977–984.
- Bentley, R.A., O'Brien, M.J. 2024. Cultural evolution as inheritance, not intentions. *Antiquity* 98 (401), 1406–1416.
- Gavashelishvili, A., Chukhua, M., Sakhltkhutsishvili, K., Koptekin, D., Somel, M. 2023. The time and place of origin of South Caucasian languages: insights into past human societies, ecosystems and human population genetics. *Scientific Reports* 13, 21133.
- Harutyunyan, M., Malfeito-Ferreira, M. 2022. Historical and Heritage Sustainability for the Revival of Ancient Wine-Making Techniques and Wine Styles. *Beverages* 8 (10).
- McGovern, P.E., Glusker, D.L., Exner, L.J., Voigt, M.M. 1996. Neolithic resinated wine. *Nature* 381 (6582), 480–481.
- McGovern, P.E., Jalabadze, M., Batiuk, S. ... Lordkipanidze, D. 2017. Early Neolithic wine of Georgia in the South Caucasus. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)* 114 (48), E10309–E10318.
- Makharadze, Z., Kalandadze, N., Sakhvadze, A. 2023. *Tsikhiagora*. Tbilisi: National Museum of Georgia.
- Skourtanioti, E., Jia, X., Tavartkiladze, N. ... Ringbauer, H. 2025. The genetic history of the Southern Caucasus from the Bronze Age to the Early Middle Ages: 5,000 years of genetic continuity despite high mobility. *Cell* 188 (19), 5278–5294.e21.
- UNESCO. 2013. *Nomination file no. 00870 for Inscription on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity: Ancient Georgian traditional Qvevri wine-making method*. Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, 8th session, Baku, Azerbaijan.

Статья поступила в номер 23 марта 2026 г.

Sergey Serov (Berlin, Germany). Independent researcher.

Sergey Serov (Berlin, Germania). Cercetător independent.

Серов Сергей Владимирович (Берлин, Германия). Независимый исследователь.

E-mail: sv.serov.research@gmail.com

Список сокращений

ABES	— Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов.
АДУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология Евразийских степей. Казань.
АлтГТУ	— Алтайский государственный технический университет. Барнаул.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН РМ	— Академия наук Республики Молдова. Кишинэу.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УзССР	— Академия наук Узбекской ССР. Ташкент.
арм.	— армянский язык.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭФ	— Армянская этнография и фольклор. Ереван.
БАН	— Българската академия на науките. София.
БМАК	— Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия. 3-е изд.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВОН	— Вестник общественных наук. Ереван.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
ГМО	— горно-металлургическая область.
ГМЦ	— горно-металлургический центр.
ДДБК	— днепро-донская бабинская культура.
ДПБК	— днепро-прутская бабинская культура.
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВ РАН	— Институт востоковедения РАН. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИМин	— Институт минералогии.
ИНИОН	— Институт научной информации по общественным наукам АН СССР / РАН. Москва.
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва.
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Історико-культурний заповідник «Більськ». Більськ.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет. Куйбышев.
КИГИ	— Калмыцкий институт гуманитарных исследований. Элиста.
КИО	— культурно-историческая общность.
КЛК	— каменско-ливенцовская культура.
КМ	— курганный могильник.
КМЦ	— координационно-методический центр.
КРС	— крупный рогатый скот.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.

МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Несециона.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАСУ	— Материалы та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИА	— Музей истории Армении. Ереван.
МНВО РК	— Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Астана.
МНВО РФ	— Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Москва.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАН	— Национальная Академия наук.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НАУКМА	— Национальный университет «Киево-Могилянская академия». Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НИИГН	— Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. Саранск.
НЦ	— научный центр.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПГПУ	— Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Пенза.
ПКБ	— посткатакомбный культурный блок.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАЭСК	— региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.
РРОО	— Ростовская региональная общественная организация. Ростов-на-Дону.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СамНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
СКК	— северокавказская культура.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
ТюмГНГУ	— Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень.
УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция.
УГГУ	— Уральский государственный горный университет. Екатеринбург.
УИФ	— Уральская издательская фирма.
УООПИК (УТОПИК)	— Украинское общество охраны памятников истории и культуры = Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. Київ.
УФИЦ	— Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. Уфа.
ХНУ	— Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Харків.
ЦП НАНУ	— Центр пам'ятниковедення Національної академії наук України. Київ.
ЦЧКИ	— Центральное-Чернозёмное книжное издательство. Воронеж.
ЧГИГН	— Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары.
ЭРМ	— эпоха раннего металла.
ЮТАЭ	— Южно-Таджикская археологическая экспедиция.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
AS	— Anatolian Studies. Ankara.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
СЕР USM	— Centrul editorial-poligrafic al Universității de Stat din Moldova. Chișinău.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
INQUA	— International Union for Quaternary Research.
MNAIM	— Muzeul național de Arheologie și Istorie din Moldova. Chișinău.
S.N.	— seria nouă.
ТТКУ	— Türk Tarih Kurumu Yayinlari. İstanbul.